

Н. В. Турыгина

ПОЧИТАНИЕ ОБРАЗА ОСТРОБРАМСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В КОНТЕКСТЕ ЛИТОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Виленская Островратная, или Остробрамская, икона Богоматери без младенца — довольно редкий в иконографии образ, почитаемый христианами различных ветвей — и католиками, и православными, и униатами. Обращения к Острой Браме встречаются в творчестве как польских, так и литовских и белорусских авторов, что отражает попытки разных народов показать ее как свой национальный символ, а также обосновать через духовную составляющую права на территорию Восточной Европы, не только в физическом, но и в метафизическом плане.

Когда и как Остробрамский образ Девы Марии становится визуальным символом не конфессиональной или региональной, а национальной идентичности и становится ли он им вообще? Становится ли он маркером этнической идентичности, к которым обычно относят конфессию, язык, территорию, гражданскую принадлежность и представления о прошлом?

Строго говоря, Остробрамский образ не может считаться таким маркером, однако икона, как и сами ворота, уже давно стала национальным символом, о чем свидетельствует, в частности, оживленная дискуссия на страницах периодической печати в августе 2017 г., когда изображение Аушрос Вартай хотели нанести на новые национальные польские паспорта¹. Постараемся на примере Остробрамского образа Девы Марии проанализировать процесс превращения христианского символа в национальный

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 21-48-04402 «Святые и герои: От христианизации к национализму: Символ. Образ. Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

¹ См.: *Процин М.* СМИ Литвы: Аушрос Вартай на польских паспортах — лучшая пиар-кампания [Электронный ресурс] // Информационное агентство BALTNEWS. 2017. 10 августа. URL: <https://lt.baltnews.com/authors/20170810/1017451618.html?ysclid=lj2o035zqk872262903> (Дата обращения — 16.10.2022).

в контексте конструирования литовской идентичности². В исторической ретроспективе рассмотрим, как преломлялись здесь такие маркеры этнической идентичности как язык, конфессия, гражданская принадлежность.

Об истории иконы составлено немало легенд, написаны исторические и культурологические исследования. Одно из первых русскоязычных ее описаний с экскурсом в историографию и привлечением большого корпуса источников содержится в работе архимандрита Иосифа (прежде священника Никодима Соколова)³, опубликованной в Вильне в 1883 и 1890 гг. Автор утверждал, что стремится дать «истинную историю чудотворного образа Богородицы», однако изначальный посыл заключался в демонстрации его «исконной принадлежности Православной церкви», «нравственным насилием почему-то присвоенного латинами себе, и содержимого ими у себя не по праву»⁴. К сожалению, эта тенденциозность в освещении истории образа и демонстрация прав на него присуща большинству публикаций, как российских, так и польских.

Существует несколько версий происхождения образа. По одной из них, Великий князь Ольгерд привез икону из Херсона (Корсуни) в качестве военного трофея после успешного похода на крымских татар в 1363 г. Эта версия впервые была изложена в работе польского историка Т. Нарбута⁵, а затем широко растиражирована в российских путеводителях конца XIX – начала XX в. Согласно другой версии, лик чудесным образом появился на городских воротах в Вильно 14 апреля 1431 г. в день трех литовских и виленских святых Антония, Иоанна и Евстафия⁶.

² Как методологическую основу исследования автор выбрал опыт Р. Брубейкера (*Брубейкер Р. Этничность без групп*. М., 2012. С. 29).

³ Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы в городе Вильне: Историческое исследование с 8 рис. и разными сведениями, касающимися г. Вильны / Сост. и изд. Никодим Соколов, законоучитель Виленского учительского института и гимназии. Вильна, 1883; 2-е изд., испр. и умноженное разными сведениями, касающимися г. Вильны и Западного края России. — Вильна, 1890.

⁴ Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы в городе Вильне... Вильна, 1890. С. 5.

⁵ *Narbutt T. Dzieje narodu litewskiego*. Т. 5. Od smierci Gedymina do bitwy nad Worskla. Wilno, 1839. S. 137. — Т. Нарбут ссылается на венденского каноника Лодзятю, писавшего в 1653 г.: «Великий князь Литовский Ольгерд обогатил сокровищницы свои бесчисленными херсонскими драгоценностями. Наследники его большую часть церковных украшений раздали церквам города Вильны. В числе этих сокровищ — подлинное изображение Пресвятой Девы Марии: Она будто стоит перед лицом Божественного вестника Архангела Гавриила. Теперь мы видим Благодатную в часовне преподобных кармелитов на восточных воротах города, называемых обыкновенно Острыми, что документально подтверждается письменными свидетельствами упомянутого ордена».

⁶ См., например: *Виноградов А. А.* Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям: В 2 ч. Вильна, 1904. С. 11; Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы в городе Вильне... Вильна, 1890. С. 30–32; *Добрянский Ф. Н.* Старая и Новая Вильна. 3-е изд. Вильна, 1904. С. 208; и др. — Примечательно, что в работе архимандрита Иосифа текст Т. Нарбута был изменен: «херсонские сокровища раздали *православным* церквам города Вильны», а о том, что часовня принадлежала кармелитам, не упоминается. Действительно, к моменту создания архимандритом Иосифом своего труда кармелиты были изгнаны, а часовня попала под опеку епархиального духовенства.

В данном контексте хотелось бы обратиться к описаниям архимандрита Иосифа, который отмечает, что к концу XV в. старые стены города разрушились. 23 апреля 1498 г. в день святого великомученика Георгия Победоносца состоялась торжественная закладка новой стены под звон колоколов всех церквей города Вильны — 14 православных и 7 латинских, а в основание башни главных Острых ворот были положены частицы святых мощей, монеты и серебряная дощечка с надписью. На южной стороне башни было предусмотрено углубление для помещения образа, согласно православной традиции⁷. Официальный сайт часовни «Ausros Vartai» подтверждает, что «первоначально изображение Девы Марии висело в небольшой нише на внутренней стороне ворот, симметрично расположенному снаружи изображению Спасителя мира»⁸.

Все последующие версии происхождения иконы связаны с иконографией образа и спорами об авторстве. В православной традиции утверждают, что икона была частью более масштабной композиции Благовещения, обращают также внимание на сходство образа Острых Ворот с Дивеевским образом Божьей Матери «Умиление»⁹. В ряде литовских путеводителей по г. Вильне / Вильнюсу 1970–1980-х годов икона представлена как памятник живописи, созданный неизвестным художником эпохи ренессанса¹⁰. В 1990-х годах был проведен ряд исследований с применением естественнонаучных методов (ультрафиолетовый, химический и дендрохронологический анализы), позволивших утверждать, что образ был написан виленским мастером специально для этой часовни в 1620–1630 гг. по образцу нидерландского художника Мартина де Воса, по гравюре Тома де Леу 1580 г.¹¹ Эта версия происхождения иконы является официальной, однако ее отнюдь нельзя назвать однозначной¹².

В трудах польских ученых, посвященных истории и типологии изображения, констатируется отсутствие летописных и хроникальных свидетельств о существовании более ранней иконы. В качестве косвенных свидетельств позднего происхождения иконы приводятся собрания образов Девы Марии, в которых данный тип изображения

⁷ Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы в городе Вильне... Вильна, 1890. С. 12–15.

⁸ «Ostra Brama» — historia // Ausros Vartai: Official site. URL: <https://ausrosvartai.lt/pl/ostrabrama-historia/> (Accessed — 10.10.2022).

⁹ Богоматерь: Полное иллюстрированное описание ея земной жизни и посвященных ея имени чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. Киев, 1998. (Репринт 1914-го года издания). — Ср. изображения икон Остробрамского образа (с. 769), образа «Умиление» Серафимо-Дивеевского монастыря (с. 789) и иконы «Благовещение» Московского Кремля (с. 209).

¹⁰ См., например: *Медонис А.* Вильнюс: Путеводитель. Вильнюс, 1973. С. 15; *Паниуц А. Б.* 1) Вильнюс. Вильнюс, 1977. С. 60; 2) Вильнюс // Вильнюс — Рига — Таллин: Путеводитель. М., 1989. С. 64 (Аналоги на литовском: *Papsys A.* 1) Vilnius. Vilnius, 1977; 2) Wilnius. Przewodnik po mieście. Kaunas, 1982).

¹¹ Pochodzenie obrazu // Ausros Vartai: Official site. URL: <https://ausrosvartai.lt/pl/pochodzenie-obrazu/> (Accessed — 10.10.2022).

¹² Польская исследовательница М. Каламайская-Саид более подробно разбирает иконографию Остробрамского образа с глубоким источниковедческим анализом, а также приводит схожие изображения, навеянные творчеством М. де Воса и характерные для североевропейской католической традиции конца XVI – первой половины XVII вв. См.: *Kalamajska-Saeed M.* Ostra Brama w Wilnie. Warszawa, 1990. Pp. 81 (il. 57), 85 (il. 61), 86 (il. 63), 92 (il. 69), 93 (il. 70), 95 (il. 71), 98 (il. 74), 105 (il. 84).

не встречается. М. Скрудлик ссылается на издание А. В. Кояловича «Miscellaneaе» (Вильно, 1650), содержавшее все выявленные образы Пречистой Девы Марии в Литве и Вильно, и отмечает, что среди них не упоминается Остробрамское изображение¹³. М. Каламайская-Саид ссылается на фундаментальный труд Н. П. Кондакова «Иконография Богоматери», изданный в Санкт-Петербурге в двух томах в 1914–1915 гг., где собраны все известные в византийской традиции изображения Богородицы. Но Остробрамский образ в книге отсутствует. Исследовательница, однако, указывает, что «взгляд на восточное художественное происхождение изображения не вызывал сопротивления в Вильнюсской католической среде»¹⁴.

Вполне вероятно, споры вокруг происхождения иконы связаны с дискуссией о ее принадлежности к той или иной христианской традиции и судьбой образа в смутное время гонений на православных с конца XVI в. после принятия Брестской унии. Однако проследить историю иконы в XVI–XVII вв. можно только по трудам православных авторов. Известно, что часовня Остробрамской иконы Божией Матери начала пустеть уже в XVI в., когда основной поток православных направлялся к образу Богоматери Одигитрии¹⁵, привезенному из Москвы в 1495 г. как благословение Ивана Грозного своей дочери Елене на брак с литовским князем Александром. К началу XVII в. Свято-Троицкий монастырь, к которому относилась весьма обветшавшая к тому времени часовня, уже перешел в униатство, поэтому икона была передана в православную приходскую каменную Свято-Николаевскую церковь с целью ее сохранить. В июле 1609 г., когда и Свято-Николаевская церковь была передана униатам, икона возвращена в Троицкий монастырь.

Надо отметить, что митрополит Троицкого монастыря Иосиф Венямин-Рутский, ратовавший за утверждение католических традиций, пригласил для просветительской деятельности латинских монахов. Папа Урбан VIII в 1624 г. «повелел Конгрегации о распространении веры отправить в Вильну четырех патеров ордена кармелитов босых, знавших польский и русский языки, обладавших научными познаниями и известными преданностью монашеской жизни»¹⁶. В 1626 г. в Вильну прибыли босые кармелиты¹⁷, для которых уже был возведен костел Св. Терезии, расположившийся на территории между Островратной башней и православным Свято-Духовым храмом, бывшим в то время центром православной жизни горожан. Именно стараниями босых кармелитов для образа была построена новая часовня (сначала деревянная, а затем каменная), а церковная служба объединила местных жителей вне зависимости от веры. Им удалось придать новый импульс почитанию Остробрамского образа, с тех пор принадлежавшего католикам, что позволяет говорить о новой традиции, а не о преемственности по отношению к более ранней — православной.

Споры о принадлежности иконы возобновились в XIX в., после Полоцкого собора 1839 г., результатом которого стало упразднение униатства на территории Российской империи и передача храмов и святынь Белорусской и Литовской униатских епархий Русской Православной Церкви. Архимандрит Иосиф Семашко активно добивался

¹³ *Skrudlik M.* Historia obrazu i kultu Najświętszej Maryi Panny Ostrobramskiej. Wilno, 1927. S. 6.

¹⁴ *Kalamajska-Saeed M.* Ostra Brama w Wilnie. P. 79.

¹⁵ Богоматерь... С. 768.

¹⁶ Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы в городе Вильне... Вильна, 1890. С. 57.

¹⁷ «Ostra Brama» — historia.

закрытия Остробрамской часовни и передачи образа в церковь Св. Духа¹⁸, однако Папа Римский настоял на сохранении иконы у католиков, приложивших много сил к укреплению почитания Остробрамского образа и усердно привлекавших к нему паломников¹⁹.

Тем не менее, несмотря на соперничество и разногласия между разными ветвями христианства, приходится констатировать, что Острая Брама с ее уникальным образом, у которой собирались и православные, и униаты, и католики, стала символом межконфессионального диалога, характерного для литовского самоопределения. В польских источниках Остробрамская Дева Мария с середины XVIII в. упоминается как «хранительница и заступница отечества» и «покровительница Великого Княжества Литовского»²⁰. Ей посвящали псалмы, гимны и песни в знак благодарности за чудеса, ею явленные. М. Скрудлик приводит выдержки из этих песнопений и молитв, содержащихся в книге о. Илариона «Рассказ о чудесном образе Богородицы в Вильнюсе Остробрамском»²¹ (Вильно, 1761), которые целесообразно привести в польском и русском вариантах:

Obrono wielka miasta Giedymina,
Wilna całego pociecho jedyna,
W tej Ostrebramie obrono potężna,
Królowo Polska, a Litewska Księżna.

Защита великого града Гедимина,
Вильна каждого утешает едино,
В Острой Браме могучая защита,
Королева Польши и Княжна Литвы там.

¹⁸ *Kalamajska-Saeed M.* Ostra Brama w Wilnie. P. 79.

¹⁹ В частности, «Литовские епархиальные ведомости» в 1885 г. упоминали о следующей практике: «В течение всего лета, а особенно в недели, предшествующие и следующие за праздником св. Троицы, происходит паломничество целых тысяч народа на поклонение этой иконе и расположенной вблизи Вильны Кальварии. Утомленные богомольцы, прошедшие нередко целые сотни верст, обыкновенно приходят в Вильну вечером, где направляются прямо к Остробраме и всю ночь до следующего утра проводят в молитве и благоговейном созерцании чудотворного образа. Остробрамская, или по-нынешнему Островоротная, улица в это время бывает запружена деревенским людом, особенно женщинами, располагающимися на ней с своими убогими котомками. Вот когда физическое утомление возьмет верх над благочестием, и утомленные богомольцы заснут, над ними и совершается то чудо, слух о котором разносится в самые отдаленные углы Западного края. Во время такого сна костельные служители, под руководством кого-либо из ксендзов, обходят богомольцев и кладут им в платки, карманы или котомки по несколько медных монет. Проснувшиеся утром богомольцы, замечая такое неожиданное обогащение, под влиянием тут же снующих между ними агитаторов, объясняют это даром, посланным им Божией Матерью; те же из них, которые принадлежат к православию, приходят к горькому сознанию, что сколько бы они православным иконам ни молились, такой осязательной награды они не получают. Несмотря на свой анекдотический характер, рассказанное нами составляет факт, почерпнутый из надежного и довольно официального источника». Что касается масштабов паломнических групп, «Литовские епархиальные ведомости» указывали следующее: «В виленские кальварии, по официальным сведениям, которые далеко не полны, в течение каждого лета пребывает не менее 150 000 человек. В праздник Троицы и Духов день бывает одновременно скопление богомольцев, простирающееся до двадцати тысяч. Паломничество совершается католиками и православными из всех губерний Царства Польского и Западного края» (Литовские епархиальные ведомости. 1885. 28 июля (№ 30). С. 306).

²⁰ *Skurdlik M.* Historia obrazu i kultu Najświętszej Maryi Panny Ostrobramskiej. Wilno, 1927. S. 30.

²¹ *O. Hilarion.* Relacya o cudownym obrazie Nayświętszej Maryi Panny w Wilnie Ostrobramskiej. Wilno, 1761. Cit.: *Skurdlik M.* Historia obrazu i kultu Najświętszej Maryi Panny Ostrobramskiej. Wilno, 1927. S. 31–32.

Doznało Wilno Twej Panno obrony
Kiedy lew szwedzki brał je w swoje szpony.
Boś cudotwórnimie miasto ucieszyła,
Gdyś wrota z bramy na Szwedów wzruszyła...

Пострадала в Вильно Остробрамская Дева,
Когда шведскому льву в лапы угодила,
Но Чудо Божие явилось тогда граду,
Когда на шведов тронулись врата те...

(перевод Н. В. Турыгиной)

Вторая песнь отражает исторические события периода польско-шведской войны. В 1702 г. после взятия Вильнюса шведы выставили стражу у всех ворот города, запрещая верующим петь при Остробрамском образе, и высмеивали Богородицу. В описании чудес Остробрамской Богородицы упоминается, как 14 апреля в день трех литовских и виленских мучеников дверь ворот с петлями упала на богохульников-стражников, гревшихся у разожженного у ворот костра²².

Еще более важной для формирования общей памяти становится традиция благодарственных песен за спасение города при пожаре 18 мая 1706 г. Вильнюсцы свидетельствовали, что над церковью Святой Терезы и Остробрамской часовней в тот день они видели откровение Богородицы, тушившей пламя огня. Этому событию посвящены строки следующей песни:

Twój święty obraz wślawiony cudami,
Jedyny fenix był między ogniami,
Jako wileńskie świadkami pożary,
Któreś gasiła Maryja bez miary...²³

Твой светлый лик прославлен чудесами,
Одна Ты фениксом парила над огнями,
Как говорят свидетели пожара,
Что Дева в Вильне гасила неустанно...

(перевод Н. В. Турыгиной)

Практика исторических песен свидетельствует о формировании единого представления о прошлом, что приобретает исключительную важность при нациестроительстве.

Другим ключевым в нациестроительстве фактором оказывается возможность использования родного языка. После Кревской унии 1385 г., положившей начало объединительным процессам ВКЛ с Польским королевством, литовский язык постепенно утрачивал свое значение. Делопроизводство и общение в высших кругах велись на польском и западнорусском языках, хотя великие князья литовские еще говорили на литовском. Последним великим князем литовским, говорившим на литовском языке, был Казимир IV (ум. 1492). Во времена Казимира IV в Польше было учреждено книгопечатание, причем в Кракове выходили книги, напечатанные польским и западнорусским (русинским), но не литовским, шрифтами. Франциск Скорина, первый книгопечатник ВКЛ, в 1517 г. издал большую часть Библии в белорусской редакции западнорусского языка. Статуты ВКЛ выходили на западнорусском, или рутенском, языке. Уже с 1501 г. в законодательных актах часть терминов стала заменяться польскими, заимствовались и польская грамматика. В итоге Великокняжеский статут 1566 г. уже составлен таким образом, что с уверенностью можно утверждать, что литовское дворянство понимало польский язык и пользовалось им в своей повседневной жизни²⁴. А тогда закономерно

²² Opisy cudów // Ausros Vartai: Official site (Accessed — 10.10.2022).

²³ Skrudlik M. Historia obrazu i kultu Najświętszej Maryi Panny Ostrobramskiej. S. 37.

²⁴ Snyder T. The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. Yale, 2003. P. 18–19.

встает вопрос: считало ли местное население Виленского края и ВКЛ в целом себя литовцами/литвинами или поляками? Как оно воспринимало обиходное распространение польского языка и как сохраняло литовский язык?

В 1835–1841 гг. была напечатана первая история Литвы. Примечательно, что она была написана Теодором Нарбутом (1784–1864) на польском языке. Автор констатирует, что литовская история закончилась в 1569 г., с принятием Люблинской унии и объединением ВКЛ с Польским королевством в Речь Посполитую. Такую же трактовку истории края предлагал Симонас Даукантас (1793–1864), считающийся одним из первых идеологов литовского национального возрождения. Он определил унию 1569 г. как литовскую капитуляцию, а в распространении польского языка видел разрушение местной культуры. В 1822 г. С. Даукантас представил свои идеи в первой истории Литвы, написанной на литовском языке и озаглавленной «Деяния древних литовцев и жемайтов». Но, к сожалению, рукопись долго ждала выхода в свет и была опубликована в Каунасе только в 1929 г.²⁵

Столь мощные интеграционные процессы с повсеместным утверждением польского языка должны были отразиться не только в трактовке истории края, но и в восприятии Остробрамского образа Девы Марии. В данном контексте объективное представление о происходивших изменениях дает художественная литература. Впервые к Остробрамскому образу обращается выдающийся польский писатель и поэт, деятель польского национального движения Адам Мицкевич (1798–1855) в начальных строках «Пана Тадеуша» (1832–1834), классического произведения польской литературы, которое называют «энциклопедией польской жизни»:

Litwo! Ojczyzno moja! ty jesteś jak zdrowie.
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Panno Święta, co jasnej bronisz Częstochowy
I w *Ostrej świecisz Bramie!* Ty, co gród zamkowy
Nowogródzki ochraniasz z jego wiernym ludem!
Jak mnie dziecko do zdrowia powróciłaś cudem...

Литва, моя отчизна! Ты как здоровье наше:
Когда тебя утратим, ты нам милей и краше.
Теперь, с тобой расставшись, о родина моя,
Тебя с тоской сердечной пою и вижу я.

Небесная царица! Ты дивно в *Острой Брамe*
Сияешь горней славой! Ты в ченстоховском храме
И в замке новгородском хранишь своих детей!
Меня Ты исцелила на утре юных дней...

(Перевод Л. И. Пальмина, 1881–1882)²⁶

²⁵ Simonas Daukantas // *Mažosios Lietuvos enciklopedija*: Site. URL: <https://www.mle.lt/straipsniai/simonas-daukantas> (Accessed — 10.10.2022). — Подробнее о нем: *Žukas S. Simonas Daukantas*. Kaunas, 1988; *Merkys V. Simonas Daukantas*. Vilnius, 1991.

²⁶ Цит. по: Русская мысль. 1881. № 1. С. 6.

Раннеמודерна концепція Мицкевіча, по определению Т. Снайдера, — «концепция Литвы как земли многих народов с единой польской судьбой»²⁷. Называя Литву отчизной, он не отделяет ее от Речи Посполитой.

1998 г. по решению ЮНЕСКО был объявлен годом Адама Мицкевича. По всему миру прошли торжественные мероприятия, международные конференции, литературные вечера в честь 200-летия со дня рождения поэта. На пленарных заседаниях и в установках международного юбилейного комитета рефреном звучала мысль, что этого творца могут считать своим все народы, проживавшие в пределах Речи Посполитой времен поэта²⁸, то есть и поляки, и литвины, и украинцы, и белорусы, и евреи, и татары. Иными словами, малая родина вписывается в общепольский контекст, а региональная идентичность поглощена наднациональным конструктом.

Как к неизменной польской святыне к образу Острой Браммы апеллируют Юзеф Крашевский в повести «Последняя из слущких князей. Хроники времен Сигизмунда III» (1841)²⁹ и Генрик Сенкевич в «Потопе» (1884–1886). В. Ходасевич (1886–1939), русский эмигрант, а точнее бывший подданный Российской империи польского происхождения, вспоминая свои детские годы, молитвы у образа Божией Матери Остробрамской и материнские рассказы о Польше, также передает восприятие образа как символа польскости³⁰.

И только в стихотворных строках литовского поэта В. Миколайтиса-Путинаса (1893–1967) Остробрамский образ Божьей Матери становится частью нациестроительства собственно Литвы. Из стихотворения «На возвращение Вильнюса» (1939):

«О Вильнюс! Литва обещает тебе новую жизнь.
Ты новая жизнь новых Ворот Зари...»³¹.

²⁷ Snyder T. The Reconstruction of Nations... P. 29.

²⁸ Шчарбачэвіч Н. Быць ліцвінам: 5 доказаў. Якія народы могуць лічыць сваім Адама Міцкевіча? // Звязда. 2015. 6 января. URL: <https://zviazda.by/be/news/20150106/1420494048-buc-livcinam-5-dokazau> (Дата обращения — 10.10.2022).

²⁹ Ю. Крашевского называют национальным автором и поляки, и белорусы, и литовцы. Ему принадлежат и краеведческие очерки о Полесье, и двухтомная история Вильно, и многотомная «История Польши». А стихотворная трилогия о прошлом Литвы времен Миндовга и Витовта «Анафеляс» (1840–1846) и вовсе воспринималась деятелями литовского национального возрождения последней четверти XIX в. как национальный эпос. В повести «Последняя из слущких князей» приводится традиция почитания Остробрамского образа: «икона Остробрамской Божьей Матери была в большом почете у православных и католиков, которые каждый день молились перед ней, шли к ней со своими бедами и горем. <...> Проходя под брамой, горожане и приезжие по неписанной традиции в знак почтения снимали перед иконой шапки и капюшоны, а русские купцы, стоя в дверях гостиного двора, гоняли евреев, проходящих под Острой брамой, не снимая шапок» (Крашэўскі Ю. Кароль у Нясвіжы. 1784. Апошняя са слущкіх князёў. Гістарычныя аповесці / Пераклад з польскай мовы Міхася Кенькі. Менск, 2009. С. 237. Перевод на русский Михаила Кенько. URL: http://nasledie-sluck.by/var/upload/file/PDF/Posledniaia_iz_slutckikh_kniazei-RU.pdf (Дата обращения — 10.10.2022)). Это описание чествования иконы содержится в художественной литературе, в мемуарах, в путеводителях XIX–XX вв. Эту традицию зафиксировал британский журналист Стивен Грэм (1884–1975) летом 1915 г. (См.: Бриедис Л. Вильнюс: Город странников. М., 2020. С. 206–207).

³⁰ Ходасевич В. Ф. К столетию «Пана Тадеуша» // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: В 3 т. Т. 2: Статьи, рецензии, заметки, 1925–1934 гг. Berkeley, 2001. С. 403.

³¹ Ворота Зари — Аушрос Вартай, название часовни с середины XIX в. Стихи цитируются в авторском переводе по: Sinnig G. Klio, Muse der Geschichte: Litauische Lyrik unter doppelter

Таким образом, к 1939 г. принадлежность образа тому или иному народу уже оспаривалась в политическом контексте, а не только культурном, хотя еще в апреле 1919 г. в Вильнюсе радостно встречали польскую армию и в ходе большевистско-польской войны 1919–1921 гг. Остробрамский образ Богоматери использовался польской пропагандой. Закономерно предположить, что принципиальное отделение Остробрамского образа от польского прошлого к литовскому настоящему начинается именно в межвоенное двадцатилетие и встречает сопротивление польских интеллектуалов и политических элит, также претендующих на него³².

Не последнюю роль в процессе становления литовского национального самосознания сыграло в указанный период обращение к веникулярному языку. На это изменение в мировосприятии, в мироощущении указывает тот факт, что в ходе реконструкции Остробрамской часовни в 1927–1933 гг. решение заменить надпись над иконой с латинского языка на польский вызвало волну возмущения среди местного населения³³. Впоследствии запись вернули на латинице: «*Mater misericordiae sub tuum praesidium confugimus*» («Мать милосердная к твоей защите прибегаем»), но произошло это уже на исходе XX в. Примечательно, что ранее надпись с польского на латынь была заменена в период пребывания на посту генерал-губернатора Северо-Западного края Российской империи М. Н. Муравьева в рамках политики противостояния польско-католической экспансии и усиления польской идентичности региона после подавления польского восстания 1863–1864 гг.³⁴

Спустя 60 лет восстановление записи на польском уже не было встречено местным населением с энтузиазмом. Кажется маловероятным, чтобы это стало возможным только благодаря внешнему воздействию политики Российской империи, без учета внутренних процессов национального возрождения. Тем не менее, современная литовская историография настаивает на обратном, утверждая, что именно эта российская политика по интеграции края во второй половине XIX в. и сформировала движение литовского национального возрождения, усилив не только националистическую, но и пророссийскую и антипольскую позицию широких кругов общества³⁵.

Besatzung, 1939–1942 // Osteuropa. 2008. Vol. 58, No. 6: Geschichtspolitik und Gegenerinnerung: Krieg, Gewalt und Trauma im Osten Europas. P. 383.

³² Ярким проявлением этих претензий на Вильнюс стало проведение освободительной операции Армии Крайовой «Острая Брама» в июле 1944 г.

³³ *Juškevičius Ad., Maceika J.* Vilnius ir jo apylinkės. Vilnius, 1937. S. 130.

³⁴ *Бендин А. Ю.* Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // Русский Сборник. Т. XV. М., 2013. С. 259. — Подробнее об имперской политике по присоединению западных окраин см.: *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *Западные окраины Российской империи.* М., 2007; *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; и др.

³⁵ *Sabaliauskaitė K.* Silva Rerum I, Silva Rerum II, and Silva Rerum III — Between Fact and Fiction Recreating the Early Modern Culture of the Polish Lithuanian Commonwealth in Contemporary Literature // *The Polish Review.* 2015. Vol. 60. №1. P. 41. — Более подробно см.: *Bumlauskas A.* Lietuvos tūkstantmetis: dvi atmetos alternatyvos // *Lietuvos Istorijos studijos.* 2009. No. 23. P. 127–158.

2 июля 1927 г. состоялся торжественный акт коронации иконы по декрету папы римского Пия XI. Он был осуществлен митрополитом варшавским кардиналом Александром Каковским в присутствии всего польского епископата, Юзефа Пилсудского и президента Польши Игнация Мосцицкого. Ватикан объявил ее милосердной матерью, но отказался присвоить ей титул «Королевы польской», на котором настаивали поляки, из опасений разжигания межнациональной розни³⁶.

Таким образом, параллельно существовали две концепции литовского будущего еще и в период интербеллума: в составе Речи Посполитой и в качестве самостоятельного государства. Современные историки из Литвы и Польши, такие как А. Бумлаускас и К. Бучовский, предложили выделять в среде интеллектуалов старолитвинов и младолитвинов. Старолитвины — это граждане ВКЛ, которые не делят своих сограждан по критерию языка и являются патриотами Речи Посполитой обоих народов, то есть они воспринимают Литву как неотъемлемую часть Польши. Младолитвины, соответственно, — деятели национального возрождения Литвы. Младолитвины обвиняли старолитвинов в утрате корней и предательстве. По сути, это две разные группы политически активных интеллектуалов, которые по-разному видели развитие Литвы. К старолитвинам можно отнести А. Мицкевича, Ю. Крашевского, Г. Сенкевича. Лишь в XX в. многие из них стали анахроничными, не соответствовавшими тенденциям тогдашней истории. В анахроничности можно упрекнуть и Й. Пилсудского³⁷. Несмотря на то, что он горячо любил Вильно и носил с собой образок Остробрамской Божьей Матери, а сердце свое завещал захоронить в Вильне, где в часовне проходила церемония прощания, он оставался именно старолитвином, ратовавшим за Литву в составе Речи Посполитой.

Рассмотрев преломление различных маркеров этнической идентичности в истории Остробрамской Богоматери, обозначим некоторые выводы о становлении литовской национальной идентичности. Во-первых, стремление к укоренению местного населения, использованию национального языка и политические процессы литовского национального возрождения позволяют утверждать, что только в XX в. Остробрамский образ постепенно становится символом литовскости, а не польскости. Во-вторых, одновременно с национализацией дискурса, сохраняется и риторика регионального сообщества внутри более крупной структуры. Эта риторика получила распространение после распада Советского Союза, когда чаша весов исторического развития литовских земель сдвинулась в сторону старолитвинской концепции с цивилизирующим польским фактором, когда польское влияние преподносится в качестве проводника европейской идентичности литовского этноса. Такой посыл встречается как в статьях и выступлениях литовских интеллектуалов (Томас Венцлов), так и в западной исторической литературе (Тимоти Снайдер). Анахроничность «польского империализма» подается как предвестник «европейской интеграции». Политическая ориентация может меняться, а региональная идентичность при этом остается той же, с тем же набором ценностей и традиций, что подтверждает история культа Остробрамского образа Божией Матери, который сквозь

³⁶ Kult Matki Bożej Ostrobramskiej // Ausros Vartai: Official site. URL: <https://ausrosvartai.lt/pl/kult-matki-bozej-ostrobramskiej/> (Accessed — 10.10.2022).

³⁷ Венцлова Т. Юзеф Пилсудский глазами литовца: От мифа к разумной оценке // Новая Польша. 2019. 20 декабря. URL: <https://novayapolsha.ru/article/yuzef-pilsudskii-glazami-litovca-ot-mifa-k-razumnoi-ocenke/> (Дата обращения — 10.09.2022).

все пертурбации времени остается центром паломничества православных и католиков из Литвы, Польши, Беларуси, Украины и других стран, людей разных национальностей и культур, которые, как и прежде, идут поклониться Острой Бrame.

В 1990-е годы в часовне читали проповеди и Папа Римский Иоанн Павел II, и Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, призывая верующих под сенью Врат Рассвета обрести единение и мир, вне зависимости от конфессиональной, национальной или региональной принадлежности. В современном Вильнюсе с 2008 г. по инициативе викария Вильнюсского прихода Св. Терезы Альгирдаса Толиатаса возродилась традиция песнями и общей молитвой благодарить Деву Марию за заботу о городе³⁸. Тем самым образ позволяет объединить людей разного вероисповедания и разных национальностей, издревле населяющих этот город, подчеркивая региональную специфику и единство в многообразии³⁹. Практика благодарственных песен, связанных с образом, позволяет утверждать, что Острабрамская Дева Мария не только является хранительницей памяти о прошлом города и края, но и сберегает традиции межнационального и межконфессионального диалога, закладывая основы не только настоящего, но и будущего, что в контексте формирования и сохранения местной идентичности имеет колоссальное значение.

Информация о статье:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 21-48-04402 «Святые и герои: От христианизации к национализму: Символ. Образ. Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Автор: Турыгина, Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0003-0332-0096, Researcher ID F-4297-2011; e-mail: n.turygina@spbu.ru

Заголовок: Почитание образа Остробрамской иконы Божией матери в контексте литовской идентичности

Резюме: История создания и почитания образа Остробрамской Богоматери изучается как отражение процессов становления литовской национальной идентичности в своей динамике на протяжении нескольких веков. Автором проведен анализ преломления в истории иконы основных этнических маркеров, к которым относятся: территория, конфессиональная принадлежность, язык, историческая память, представления о прошлом и будущем. Теории происхождения образа и споры о его конфессиональной принадлежности привели к мысли о формировании межконфессионального диалога и

³⁸ «Modlitwa za miasto Wilno» — nie tylko ożywieniem starej tradycji // Ausros Vartai: Official site. URL: <https://ausrosvartai.lt/pl/kult-matki-bozej-ostrobramskiej/modlitwa-za-miasto-wilno-nie-tylko-ozywieniem-starej-tradycji/> (Accessed — 10.10.2022).

³⁹ Согласно данным Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г., 41 % жителей города составляли иудеи, 37 % — католики, 19 % — православные, 3 % — другие вероисповедания. Что касается национальностей, то 40 % составляли евреи, 30,9 % — поляки, 20,1 % — русские, 4,2 % — белорусы, 2,1 % — литовцы, 2,7 % — другие (См.: *Добрянский Ф. Н.* Старая и Новая Вильна. Вильна, 1904. С. 4). По данным последней переписи населения Вильнюса, проведенной в 2021 г., конфессиональный состав представлен следующим образом: 63 % — католики, 8,1 % — православные, 8,3 % — атеисты, 17,8 % — данные отсутствуют, 2,85 % — другие, а национальный состав распределился так: 67,1 % — литовцы, 15,4 % — поляки, 9,7 % — русские, 2,7 % — белорусы, 5,1 % — другие или данные отсутствуют (См.: The 2021 Population and Housing Census // Official Statistics Portal of Lithuania. URL: <https://osp.stat.gov.lt/en/statistiniu-rodikliu-analize?hash=a19ff692-f3aa-4a3d-90c3-84c7880fa9fa#/>; <https://osp.stat.gov.lt/en/statistiniu-rodikliu-analize?hash=275b21ec-68a7-434b-886a-c2e48d1e9a17#/> (Accessed — 10.10.2022)).

единства в многообразии как маркера приграничья и фронтальной зоны. В рамках Речи Посполитой, объединившей Великое Княжество Литовское и Королевство Польское, Острая Брама воспринималась как «Strażniczką Kresów», или охранительница восточных пределов. Сохранившиеся исторические песни, псалмы и гимны, посвященные Деве Марии в Вильно, подчеркивают региональную идентичность. Однако одновременно мощные интеграционные процессы в Речи Посполитой привели к утверждению польскости, что нашло отражение и в художественной литературе, где вплоть до 1920–1930-х годов Остробрамский образ позиционировался как неотъемлемый символ не только польской культуры, но и польской истории и государственности. Как показало проведенное исследование, только в период интербеллума усилившиеся стремления к укоренению местного населения, использованию национального языка и политические процессы литовского национального возрождения привели к трансформации представлений об образе, который постепенно становится символом литовскости, а не польскости. Тем не менее остается открытым вопрос, стала ли Остробрамская Богородица не просто хранительницей местной самобытной культуры и традиций, но государственным символом Литвы как нации.

Ключевые слова: этничность, идентичность, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, литовскость, польскость, нациестроительство, конструктивизм, Остробрамская икона, Вильнюс, Вильно, культ Девы Марии

Литература, использованная в статье:

- Бендин, Александр Юрьевич.* Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // *Русский Сборник*. Т. XV. Москва, 2013. С. 247–272.
- Бриедис, Лаймонас.* Вильнюс город странников = Vilnius savas ir svetimas / Пер. с англ. Таисии Орал. Москва: ИД Высшая школа экономики, 2020. 334 с.
- Брубейкер, Роджерс.* Этничность без групп / Пер. с англ. Ирины Борисовой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
- Долблов, Михаил Дмитриевич.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 999 с.
- Западные окраины Российской империи.* Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 605 с.
- Комзолова, Анна Альфредисовна.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. Москва: Наука, 2005. 380 с.
- Ходасевич, Владислав Фелицианович.* Пушкин и поэты его времени: В 3 т. Т. 2: Статьи, рецензии, заметки, 1925–1934 гг. / Под ред. Роберта Хьюза. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 2001. (Modern Russian literature and culture: studies and texts, Vol. 43). 597 с.
- Bumlauskas, Alfredas.* Lietuvos tūkstantmetis: Dvi atmetos alternatyvos [The Millennium of Lithuania: Two Eliminated Alternatives] // Lietuvos Istorijos studijos. 2009. No. 23. P. 127–158.
- Kalamajska-Saeed, Maria.* Ostra Braza w Wilnie. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1990. 282 s.
- Merkys, Vytautas.* Simonas Daukantas. Vilnius: Vyturys, 1991. 212 p.
- Sabaliauskaitė, Kristina.* Silva Rerum I, Silva Rerum II, and Silva Rerum III — Between Fact and Fiction Recreating the Early Modern Culture of the Polish Lithuanian Commonwealth in Contemporary Literature // *The Polish Review*. 2015. Vol. 60. No. 1. P. 39–62.
- Sinnig, Claudia.* Klio, Muse der Geschichte: Litauische Lyrik unter doppelter Besatzung, 1939–1942 // *Ost-europa*. 2008. Vol. 58. No. 6: Geschichtspolitik und Gegenerinnerung: Krieg, Gewalt und Trauma im Osten Europas. P. 373–415.
- Snyder, Timothy.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven & London: Yale University Press, 2003. 367 p.
- Venclova, Tomas.* Vilnius: Vadovas po miestą. Vilnius: R. Paknio l-kla, 2001. 215 p.
- Žukas, Saulius.* Simonas Daukantas. Kaunas: Šviesa, 1988. 182 p.

Information about the article

The research was supported by the Russian Science Foundation, project Nr. 21-48-04402 «Saints and heroes from Christianization to Nationalism: Symbol, Image, Memory (Nord-West Russia, Baltic and Nordic countries)».

Author: Turygina, Natalia Valerievna — PhD in History, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0003-0332-0096, Researcher ID F-4297-2011; e-mail: n.turygina@spbu.ru

Title: The veneration of the Ostrobram icon of the Mother of God in the context of Lithuanian identity

Summary: The history of the creation and veneration of the image of Our Lady of Ostrobram is studied as a reflection of the processes of the forming Lithuanian national identity in its dynamics over several centuries.

The author analyzes how the icon reflects the main ethnic markers, which include: territory, confessional affiliation, language, historical memory, ideas about the past and the future. Theories of the origin of the image and disputes about its confessional affiliation led to the idea of the formation of interconfessional dialogue and unity in diversity as a marker of the border and frontier zone. Within the framework of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which united the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland, the Ostra Brama was perceived as «Strażniczką Kresów», or the guardian of the eastern borders. The preserved historical songs, psalms and hymns dedicated to the Virgin Mary in Vilna emphasize the regional identity. However, at the same time, powerful integration processes in the Polish-Lithuanian Commonwealth led to the assertion of Polishness, which was reflected in fiction, where until the 1920s and 1930s the Ostrobram image was perceived as an integral symbol not only of Polish culture, but also of Polish history and statehood. As the conducted research has shown, the intensified aspirations of the local population for the rooting, the use of the national language and the political processes of the Lithuanian national revival led to the transformation of ideas about the image, which in the 20th century gradually becomes a symbol of Lithuanian rather than Polish. Nevertheless, it is still uncertain whether the Ostrobram Mother of God has become the state symbol of Lithuania as a nation or it remains the guardian of the local original culture and traditions.

Keywords: ethnicity, identity, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Lithuanian, Polish, nation-building, constructivism, Ostra Brama, Vilnius, Vilna, cult of the Virgin Mary

References:

- Bendin, Alexander Yuriyevich. Rol' M. N. Muravyeva v russko-polskom spore ob identichnosti Severo-Zapadnogo kraja Rossijskoy imperii [The role of M. N. Muravyev in the Russian-Polish dispute about the identity of the North-Western Region of the Russian Empire], in *Russkiy sbornik [Russian collected papers]*. V. XV. Moscow, 2013. Pp. 247–272. (in Russian).
- Briedis, Laimonas. *Vilnius gorod strannikov = Vilnius savas ir svetimas [Vilnius — city of strangers]* Moscow: Publ. house of the Higher School of Economics Publ., 2020. 334 p. (in Russian).
- Bumlauskas, Alfredas. Lietuvos tūkstantmetis: dvi atmetos alternatyvos [The Millennium of Lithuania: Two Eliminated Alternatives], in *Lietuvos Istorijos studijos*. 2009. No 23. Pp. 127–158. (in Lithuanian).
- De Vos, George A., Romanucci-Ross, Lola (Eds). *Ethnic identity. Cultural continuities and change*. Chicago: Chicago University Press Publ., 1982. 395 p.
- Dolbilov, Mikhail Dmitrievich. *Russkiy kray, chuzhaya vera: etnokonfessionalnaya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [The Russian Land, a Foreign Faith: The Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 999 p. (in Russian).
- Kałamajska-Saeed, Maria. *Ostra Brama w Wilnie*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe Publ., 1990. 282 s. (in Polish).
- Khodasevich, Vladislav Felitsianovich. *Pushkin i poety ego vremeni: v 3 tomakh*. Vol. 2: Statii, retsenzii, zametki, 1925–1934 gg. [Pushkin and the poets of his time: in 3 vols. Vol. 2: Articles, reviews, notes, 1925–1934]. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties Publ., 2001. (Modern Russian literature and culture: studies and texts, Vol. 43). 597 p. (in Russian).
- Komzolova, Anna Alfredisovna. *Politika samoderzhaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform* [The policy of autocracy in the North-Western Region in the era of Great Reforms]. Moscow: Nauka Publ., 2005. 380 p. (in Russian).
- Merkys, Vytautas. *Simonas Daukantas*. Vilnius: Vytury's Publ., 1991. 212 p. (in Lithuanian).
- Sabaliauskaitė, Kristina. Silva Rerum I, Silva Rerum II, and Silva Rerum III — Between fact and fiction recreating the Early Modern culture of the Polish Lithuanian Commonwealth in contemporary literature, in *The Polish Review*. 2015. Vol. 60. No. 1. Pp. 39–62.
- Sinnig, Claudia. Klio, Muse der Geschichte: Litauische Lyrik unter doppelter Besatzung, 1939–1942, in *Osteuropa*. 2008. Vol. 58. No. 6: Geschichtspolitik und Gegenerinnerung: Krieg, Gewalt und Trauma im Osten Europas. Pp. 373–415. (in German).
- Snyder, Timothy. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven; London: Yale University Press Publ., 2003. 367 p.
- Žukas, Saulius. *Simonas Daukantas*. Kaunas: Šviesa Publ., 1988. 182 p. (in Lithuanian).